
СТАТЬИ И СООБЩЕНИЯ

О.А. Башкирцева

ПРИЗНАКИ ДЕНОТАТА КАК ОСНОВА ДЛЯ ФОРМИРОВАНИЯ СЕМАНТИЧЕСКОЙ СТРУКТУРЫ МНОГОЗНАЧНОГО СЛОВА (на примере лексемы *бугор*)

Полисемия как средство концептуализации нового опыта является важнейшим свойством естественного языка. Основной проблемой для исследователей, занимающихся лингвистическим описанием полисемии, является поиск условий, обеспечивающих единство многозначного слова, связь всех его значений, в том числе тех, которые на уровне словарных толкований не имеют общих компонентов. В современной лингвистике исследователи уделяют особое внимание анализу коннотаций, рассматривая данный тип информации как источник материала для производства значений. «Понятие коннотации <...> позволяет подвести более надежную базу под <...> понятие многозначности» [Апресян 1995: 178]. Под коннотациями лексемы понимаются «несущественные, но устойчивые признаки выражаемого ею понятия, которые воплощают принятую в данном языковом коллективе оценку соответствующего предмета или факта действительности» [Там же: 159]. Примеры, иллюстрирующие термин «коннотация», показывают, что исследователи не разграничивают ассоциации, приписываемые обществом какому-либо факту действительности и не связанные с физической ситуацией, и ассоциации, базирующиеся на несущественных для основных значений слов признаках денотата. Коннотации грубости, примитивного и хамского поведения, низости у слова *свинья*, коннотация невнимательности у слова *ворона*, коннотация тупости у слова *осел* представляют ассоциативные смыслы, не имеющие денотативной основы. Напротив, коннотации монотонности и нудности, актуализируемые в *пилить 2* ‘непрерывно упрекать, попрекать’ [здесь и далее толкования приводятся по: МАС], коннотация быстроты, актуализируемая в *молния 2* ‘срочно выпускаемая стенная газета, посвященная важному событию’ возникают на основе информации, извлекаемой из когнитивной модели ситуации, которая является результатом познания внешнего мира, элементом опыта. Для *пилить 2* – это идея «совершение однообразного действия в течение длительного времени», для *молния 2* – это идея «мгновенность действия». Будучи несущественной для исходных значений слов *пилить 1* ‘резать пилой, а также снимать слой металла напильником’ и *молния 1* ‘разряд атмосферного электричества’, данная информация является семантическим ядром их производных значений. Таким образом, наряду с ассоциациями, приписываемыми объекту и его языковому обозначению, мы можем выделить еще один источник производных значений слова – прототипический денотат. Прототипический денотат в лингвистической семантике определяется как «связанный с данным словом в сознании носителя языка целостный образ типичного, эталонного представителя соответствующего данному слову

класса сущностей» [Кобозева 2007: 83], характеризующийся признаками, на основании которых эти сущности объединены в данный класс или противопоставлены членам других классов. Попытка показать связь всех значений слова через соотнесенность с образом прототипического денотата и составляет цель настоящей работы.

Семантический анализ осуществляется на примере лексической единицы *бугор*, не имеющей в языке каких-либо приписываемых ассоциативных смыслов. Материалом исследования являются примеры контекстного употребления слова *бугор*, извлеченные из Национального корпуса русского языка (www.corpora.yandex.ru) и Тюбингенского корпуса русских текстов (<http://heckel.sfb.uni-tuebingen.de>).

Признаки прототипического денотата

Выявление признаков прототипического денотата осуществляется на основе анализа денотативной ситуации, концептуальной составляющей которой является ценностный смысл, который придается тому или иному признаку денотата на базе перцептивного опыта носителя языка.

В ходе предварительного исследования были выделены такие группы признаков денотата «бугор»: форма, размер, геометрические параметры (длина, ширина, высота), положение, происхождение, состав, функционирование.

Форма. Прототипический бугор имеет форму усеченного конуса. Усеченный конус, согласно математическому определению, – предмет в форме геометрического тела, образуемый при пересечении конуса второй плоскостью, параллельной первой. Соответствие формы прототипического бугра форме усеченного конуса является приблизительным. Прототипический бугор имеет основание, приблизительно напоминающее форму круга или овала, округлую вершину. Коническая форма бугра описывается сочетаниями с предлогами *спуститься под бугор*, *подняться на бугор*. Склоны бугра интерпретируются на фоне горы и холма как более пологие. Описание формы бугра в исследованных контекстах представлено как характеристикой отдельных его элементов (вершины, склонов), так и обозначением целостного образа, получаемого в результате геометрической концептуализации: *Белый бугор имел форму продолговатой усеченной пирамиды* (И. Бларамберг. Воспоминания).

К периферийной зоне категории «бугор» относятся бугры, форма которых при сохранении общей модели «конус» имеет следующие элементы, отличающиеся от формы прототипического денотата:

– отсутствие четко выраженной вершины, острая вершина: *В центре ее возвышался плоский бугор, окаймленный зелеными кустами* (И. Ефремов. На краю Ойкумены); *...Шли сперва малые, потом более объемистые бугры, то горбатые, то плосковерхие, то остроголовые* (Г. Данилевский. Воля);

– пологие или крутые склоны: *...Полез вверх пологий, изрытый балками меньший размером бугор* (М. Шолохов. Тихий Дон); *...Он непременно упадет, поднимаясь с косою на такой крутой бугор, куда и без косы трудно влезть* (Л. Толстой. Анна Каренина).

Анализ этимологических данных показывает, что признак формы лежит в основе номинации объекта. Согласно информации «Этимологического

словаря русского языка» М. Фасмера [Фасмер 1996] *бугор* имеет тот же корень, что др.-инд. *bhujati* 'он гнет', гот. *biugan*, нов.-в.-н. *biegen* 'гнуть', лит. *pabugsti, pabugti* 'испугаться'. Через мотивационный признак 'имеющий дугообразную форму' слово указывает на реальное свойство денотата.

Форма прототипического бугра зафиксирована в значениях дериватов *бугриться* 'подниматься буграми, образовывать бугры на поверхности', *бугристый* 'неровный, негладкий, с буграми, выпуклостями'.

Признак 'форма в виде усеченного конуса' является релевантным признаком денотата «бугор» на фоне возвышенностей конической формы, например горы, и возвышенностей вытянутой и серпообразной формы, например насыпи, дюны.

Размер. «Нормативный» размер прототипического бугра устанавливается при сопоставлении с размером других возвышенностей и с размером человека, что позволяет говорить об относительности данного параметра объекта. Бугор, с одной стороны, является значительной по величине возвышенностью, поскольку превышает размер человека, с другой стороны, уступает по размеру другим возвышенностям (горе, холму) и на их фоне является небольшим объектом. По этой причине в контекстах не встречается сочетаний *гигантский бугор, могучий бугор*, равно как и не встречается *маленький бугор*.

«Оценка величины предмета ориентируется на норму, индивидуальную для каждого предмета, причем маркируются только отклонения от нормы в ту или другую сторону» [Рахилина 2000: 128]. Варьирование размера осуществляется в пределах, позволяющих номинировать возвышенность *бугром*. Отклонение размера бугра от нормативного в сторону увеличения характеризуется определением *большой*, в сторону уменьшения – определением *небольшой*. Объекты, размер которых отклоняется от размера прототипического бугра, относятся к периферийной зоне класса денотатов «бугор».

Признак размера актуализируется в лексических дериватах *бугорок, бугорочек*, которые не только несут информацию об отклонении размера возвышенности от нормативного в сторону уменьшения, но и имеют прагматический слой значения: являются средством включения адресата в личную сферу говорящего. Дериват с увеличительным суффиксом *бугрище* отсутствует как в «Словообразовательном словаре русского языка» А.Н. Тихонова [Тихонов 2003], так и в исследованных контекстах. В значение дериватов с суффиксом *-ищ-* входит представление об очень большом размере соответствующих предметов и прагматический компонент 'говорящий безразличен к величине X-а и хочет заразить своим безразличием адресата' [Апресян 1995: 146]. Отсутствие подобного деривата у слова *бугор* говорит о том, что в сознании носителя языка прототипический бугор является неизменно небольшой возвышенностью.

Размер, обусловленный параметром высоты, служит релевантным признаком денотата «бугор» на фоне других возвышенностей конической формы – горы, холма, кочки.

Геометрические параметры. Протяженность объекта «бугор» по вертикали, выделение на фоне окружающей местности характеризуется глаголами *поднимался, выдавался, возвышался, вырос, выступал* и включает

данный объект в класс возвышенностей. Прототипический бугор является невысоким объектом. Подъем на возвышенность чаще представлен как завершенный процесс, а не протекающий во времени. Говорящий не анализирует процесс подъема на бугор, поскольку данное действие совершается в течение небольшого промежутка времени и без значительных усилий со стороны субъекта: *Они наметом **выскачили на бугор**, промчались рысью саженой восемьдесят* (М. Шолохов. Тихий Дон); *Они **взлетают на бугор**, затем выключают мотор и в полной темноте тихо скатываются километра три вниз* (Д. Ковшуля. Три дня из жизни бензовоза).

Параметр высоты, определяющий размер объекта, определяется относительно параметров других возвышенностей конической формы: бугор ниже горы, холма, но выше кочки.

Отклонение высоты бугра от нормативной в сторону увеличения характеризуется определением *высокий*, в сторону уменьшения – *невысокий*. Бугры, высота которых отклоняется от нормативной, относятся к периферийной зоне категории «бугор»: *Вы помните нашу прогулку, когда я, опережая вас, таким молодцом **взбежал на очень высокий бугор**?* (Л. Андреев. Два письма); *За оградой пустырь постепенно переходит в **невысокий бугор**, за ним ничего не видно* (Н. Дубов. Мальчик у моря).

У высокого, по мнению носителя языка, бугра высота не столь значительна, как, например, у прототипической горы, что позволяет человеку взбежать на бугор. Невысокий бугор превышает размер человека, что ограничивает возможности зрительной перцепции и делает невидимым все, что находится за бугром. Таким образом, вариация параметра высоты осуществляется в определенных пределах, устанавливаемых на фоне сравнения с другими возвышенностями и позволяющих номинировать данную возвышенность *бугром*.

О параметрах длины и ширины говорят относительно верхнего и нижнего оснований возвышенности. Однако употребления типа *длинное основание бугра* или *широкое основание бугра* нетипичны. Пространственная протяженность верхнего основания бугра характеризуется сочетаниями *перебежать бугор*, *идти через бугор* и т. д.

Выражение длины верхнего основания в определенных единицах измерения – метрах, сажнях и т. д. – указывает на его протяженность и в какой-то мере позволяет представить степень его протяженности (*саженой восемьдесят* – значительная длина): *Они наметом **выскачили на бугор**, промчались рысью саженой восемьдесят* (М. Шолохов. Тихий Дон).

В целом метраж нерелевантен для лингвистического описания и относится к энциклопедическому типу информации.

Протяженность нижнего основания выражается сочетаниями *идти вдоль бугра*, *обогнуть бугор*.

Соотношение геометрических параметров прототипического бугра является приблизительно равным. К периферийной зоне категории «бугор» относятся объекты, длина основания которых незначительно преобладает над высотой. В контекстах было обнаружено единичное употребление сочетания *длинный бугор*: *...Прямо – **длинный бугор**, вооруженный засеками из деревьев и копаными завалами* (А. Бестужев-Марлинский. Письма из Дагестана).

Использование прилагательного *длинный* для характеристики *бугра* не означает, что говорящий определяет бугор в ряд объектов типа дорога, веревка, палка и т. д. Описывая возвышенность, говорящий имел цель показать, что это плоский объект с выраженной пологостью склонов. Значительная протяженность по горизонтали и коническая форма объекта – взаимоисключающие признаки. Только незначительное преобладание длины основания над высотой позволяет объекту сохранять коническую форму.

Соотношение геометрических параметров является релевантным, так как обуславливает форму прототипического бугра – усеченный конус и отличает бугор от других возвышенностей конической формы – горы, холма, кочки и т. д.

Положение. Прототипический бугор имеет фиксированное положение в пространстве. Признак ‘неподвижность объекта’ не осмысливается носителем языка отдельно, а имплицитно включается в анализ других признаков:

- степень погружения в воду (глубокая осадка) / неподвижность: *Один двугорбый бугор, полосатый, как бухарская тармалама, сидел, свесившись, будто бородатый старик над водою* (Г. Данилевский. Воля);

- существование / функционирование / неподвижность: *...Какие ходили здесь бури и какие они понасыпали холмы и горы на место долин, и какие долины образовали там, где лежали бугры и буераки* (Н. Лесков. Божедомы).

Признак ‘неподвижное положение’ не является релевантным признаком денотата «бугор», так как не значим для номинации объекта.

Происхождение. Прототипический денотат «бугор» – это натурфакт. Признак ‘природное происхождение объекта’, как и признак ‘неподвижное положение’, выявляется имплицитно – на основе контекстов, в которых говорящий вписывает бугор в общую картину природного ландшафта: *Места на «Горах» ни дать ни взять окаменелые волны бурного моря: горки, пригорки, бугры, холмы, изволоки грядями и кряжами тянутся во все стороны меж долов, логов, оврагов и суходолов; реки и речки колятся во все стороны, пробираясь меж угорий и на каждом изгибе встречая возвышенности* (П. Мельников-Печерский. На горах); *Каменистые, бесплодные невысокие бугры, кое-где перемежающиеся долинами с высохшими руслами рек...* (А. Хейдок. Грешница).

Признак ‘природное происхождение’ не является релевантным признаком денотата «бугор», так как не значим для номинации объекта.

Состав. Прототипический бугор имеет состав из твердых пород: *Дойдя до каменистых бугров... они сделали в глухом овражке последний привал* (Г. Данилевский. Воля); *Проваливавшийся в щели лось вдруг выскочил на бугор, почуял крепкую землю* (П. Алешковский. Жизнеописание Хорька).

Признак ‘состав из твердых пород’ не является релевантным признаком денотата «бугор», так как не значим для номинации объекта.

Функционирование. Прототипический бугор характеризуется пассивным типом функционирования. Фиксированное вертикальное положение объекта обуславливает его специфические функции.

1. Прототипический бугор, представляя возвышенность на поверхности, служит естественной преградой на пути: *Трактор заведет и поедет, погромыхивая тележкой, через бугор, в поле* (Б. Екимов. На хуторе).

2. Прототипический бугор концептуализируется носителем языка как граница. Функционирование объекта в качестве границы проявляется, во-первых, в установлении пределов участка пространства с возможностью их преодоления и перехода из одного участка пространства в другой; во-вторых, в разграничении пространства на два качественно различных участка. «Семантика ограничения имеет другой аспект, который можно назвать семантикой разграничения» [Лебедева 2000: 93]. Качественное различие территорий представлено:

– как свое – чужое (наше – ваше): *К нам за Авдулины бугры перелетела весть сразу от ваших, что тебя ваш мир любил* (Г. Данилевский. Воля);

– как известное – неизвестное: *Хорек проследил их путь – куда-то за бугор, за старую неслужащую церковь, может, к памятнику погибшим?* (П. Алешковский. Жизнеописание Хорька).

Концептуализация объекта как границы базируется на признаках прототипического бугра ‘возвышенность на плоскости’ и ‘размер’. Физический объект, возвышающийся на плоскости, воспринимается как некий предел, преграда, ориентир, позволяющий характеризовать пространственное положение ориентируемого предмета. Размер объекта, как уже было отмечено ранее, является относительным параметром, устанавливаемым при сопоставлении с размером человека и размерами других возвышенностей. С одной стороны, размер бугра, превышая размер человека, ограничивает возможности зрительного восприятия, и пространства видимое и невидимое соответственно воспринимаются как свое – чужое, известное – неизвестное. С другой стороны, размер бугра, являясь относительно небольшим, предполагает возможность перехода из одного пространства в другое (гора вследствие значительного размера часто сравнивается с тюрьмой, крепостью).

3. Бугор, превышая размер человека, может защитить его: *Проскакав этот опасный бугор, мы сразу попали в сферу ружейного огня* (Н. Гумилев. Записки кавалериста).

4. Бугор выступает в качестве средства, способствующего обозреванию местности: *Выйдешь на следующий бугор – видно всю долину* (В. Шукшин. Земляки).

Признак ‘функционирование’ не является релевантным признаком денотата «бугор», так как не значим для номинации объекта.

Покров. В исследованных контекстах бугор характеризуется как наличием, так и отсутствием растительного покрова: *У нас за селом на бугре есть крохотный лесок, состоящий только из одних елочек и сосенок* (В. Солоухин. Третья охота); *И лысый бугор – плешь, ветру не за что зацепиться* (Б. Екимов. Прошлым летом).

Варьирование наличия признака у объекта говорит о том, что данный признак не соотносится в сознании носителя языка с классом денотатов «бугор». Следует отметить, что при описании признаков формы, размера, соотношения геометрических параметров бугра мы говорили о явлении другого

рода – варьировании степени наличия признака или, другими словами, варьировании признака в определенных пределах, устанавливаемых при сопоставлении с другими возвышенностями и позволяющих номинировать объект *бугром*. Данный факт позволял нам характеризовать класс денотатов «бугор» как имеющий полевую организацию, поскольку в нем есть центр, представленный прототипическими буграми, и периферия, на которой находятся менее характерные представители данного класса.

Локализация. В результате анализа контекстов не обнаружено привязанности денотата «бугор» к определенному типу местности. Значит, признак ‘определенная локализация’ не соотносится в сознании носителя языка с образом прототипического бугра.

Таким образом, прототипический бугор имеет следующие релевантные признаки: форма в виде усеченного конуса; округлая вершина; более пологие склоны на фоне горы и холма; определенный размер и определенное соотношение геометрических параметров на фоне других возвышенностей конической формы. Относительность параметров бугра позволяет говорить о данном объекте как о некоей субкатегории на фоне объектов с абсолютными параметрами (например, горы). Признаки денотата ‘положение’, ‘происхождение’, ‘состав’, ‘функционирование’ не являются значимыми для номинации, тем не менее представляют неотъемлемую часть целостного образа денотата, создавая фоновое знание. Растительный покров и определенная локализация не соотносятся в сознании носителя языка с образом прототипического бугра, поскольку факт наличия данных признаков не обязателен.

Исходное значение – прототипический денотат

В толковании исходного значения слова *бугор*, представленном в МАСе как ‘небольшой холм, горка’, эксплицитно выражены признаки прототипического денотата ‘размер’ и ‘возвышенность на плоскости’; признак ‘форма’ выражен имплицитно через отнесение к холму и горке. Из словарного определения следует, что размер прототипического бугра уступает размеру прототипического холма и прототипической горы. Остается неясным, что лексикограф имеет в виду под понятием «небольшой размер»: величину определенного параметра или всех геометрических параметров возвышенности. *Холм* определяется как ‘небольшая возвышенность округлой или овальной формы с пологими склонами’, *горка* – ‘уменьш. к гора’, *гора* – ‘значительная возвышенность, поднимающаяся над окружающей местностью или выделяющаяся среди других возвышенностей’. В соответствии со словарными дефинициями холм отличается от горы признаком размера. Признак формы горы не входит в сигнификативное значение соответствующего слова. Согласно логике словаря небольшой холм и горка номинируют один и тот же объект. Через соотнесение с определениями *холма* и *горы* форму прототипического бугра нужно характеризовать как ‘округлый или овальный с пологими склонами’.

Таким образом, исходное значение слова *бугор*, представленное в МАСе, включает следующие признаки прототипического денотата: ‘возвышенность на плоскости’, ‘округлая или овальная форма’, ‘пологие склоны’. Определение размера как небольшого не дает четкого представления о реальной величине объекта.

Производные значения – прототипический денотат

В МАСе выделяется единственное производное значение у слова *бугор* ‘всякое небольшое возвышение, выпуклость на чем-либо’. В данном значении *бугор* употребляется в следующих контекстах: *Под снежным бугром, огороженным простой оградой, находилась могила полковника* (А. Писемский. Люди сороковых годов); *Постель на койке у тети Дуси образует бугор* (А. Эппель. Бутерброды с красной икрой); *И он увидел темный бугор неподвижного тела* (Ю. Бондарев. Горячий снег); *Этот выступ, бугор-кабина летчика, породившая кличку «горбатый»* (А. Анфиногенов. А внизу была земля); *Белый лоб у него был большой, а на лбу бугор, какой бывает у очень глупых собак* (А. Чехов. Белолобый); *У нас тот же человек готов наивно либеральничать с либералом, прикинуться легитимистом, и это... просто из учтивости и кокетства; бугор de lapprobativite сильно развит в нашем черепе* (А. Герцен. Былое и думы).

Сюда же относятся употребления *бугры туч, надутые бугры парусов, бугры снопов, бугры на поверхности воды*.

Номинаруемый объект – физический предмет в форме усеченного конуса с округлой вершиной или плоским верхом. Устраняется релевантный признак ‘возвышенность на местности’ – фиксация на плоскости и вертикальная ориентация не оказываются обязательными. Анализ употреблений позволил сделать заключение, что *бугор* номинирует нечто субкатегориальное, вторичное по сравнению с объектами, обозначаемыми как *гора* и *холм*: *бугор на горле, бугор большого пальца, бугор на переносье, бугры на коже, нос как бугор, бугры мозолей, бугры рябого лица, бугры над глазами* и т. д. Как видно из примеров, *бугром* называется возвышенность на части тела или часть части тела. Мы не употребляем сочетания **бугор живота, *человек-бугор*, в то время как вполне допустимыми являются *холм живота, гора живота: человек-гора* как характеристика полного человека. Размер прототипического бугра, соотношение его геометрических параметров осмысливаются нами относительно других объектов. Относительность параметров концептуализируется в производных значениях слова.

Таким образом, релевантным для анализируемого значения слова *бугор* являются признаки прототипического денотата ‘форма’ и ‘размер’. В связи с этим данное значение следует представить как ‘небольшой предмет в форме бугра’.

БАС дополнительно выделяет у слова *бугор* значение ‘граница’ (*жить за бугром, приехать из-за бугра*): *Он ничуть не упрекал тех прекрасных специалистов, умных людей, кто смотался за бугор – в Америку, в Германию, в Австралию* (С. Залыгин. После инфаркта).

Значения *бугор* ‘небольшой холм, горка’ и *бугор* ‘граница’, где *граница* понимается как ‘линия раздела между территориями, рубеж’ [МАС], на уровне словарных толкований не имеют общих компонентов, более того, если производное значение попытаться «вывести» из исходного, то само его возникновение оказывается необъяснимым.

Номинаруемый объект в данном случае – линия. Устраняются релевантные признаки прототипического денотата – ‘форма’, ‘размер’, ‘возвышенность на плоскости’, ‘определенное соотношение геометрических пара-

метров'. Семантический сдвиг становится понятным на уровне прототипической ситуации, из которой извлекается нерелевантная для исходного значения информация о функциональном предназначении денотата – проведении или установлении границ какой-либо территории и формировании преграды. Подчеркнем, что именно относительность параметров прототипического бугра предопределяет его функциональное предназначение.

Государственная граница, как и прототипический бугор, разделяет качественно различные участки пространства, которые концептуализируются как свое – чужое: *И кто в это прекрасно вписывается, а кто – вроде нас с Шурой Плоткиным – никак не может вписаться, да никогда и не впишется, хоть за бугор уезжай!* (В. Кунин. Кыся); *При советской власти, если помните, даже отъезд автора на ПМЖ за бугор немедленно исключал его из списка живущих* (Огонек. 2002. № 8).

Государственная граница воспринимается как заданная законом, поэтому такие выражения, как *пересечь границу, уехать за границу*, понимаются не просто как констатация передвижения из одного участка пространства в другой, но и преодоление преграды: *За бугор его, однако, не выпускали: беспартийный, разведен, был на оккупированной территории и по чудаковатости может отмочить неизвестно что: бесспорно невыездной.* (М. Веллер. Оружейник Тарасюк); *...Наверняка ищут выход за бугор, минуя московские карманы с генеральскими лампасами* (Л. Кожевников. Смерть прокурора).

Добавим, что «различие между двумя разными мирами особенно значимо для русского сознания» [Лебедева 2000: 95]. Поэтому в контекстах ситуация отъезда за бугор однозначно оценивается как отклонение от привычного, установленного порядка жизни: *мотаться за бугор, дернуть за бугор, свалить за бугор, утекать за бугор, обратиться за бугор, ухлять за бугор, рвануть за бугор, намыливаться за бугор.*

«Толковый словарь русского языка конца XX века» [1998] фиксирует слово *бугор* со значением 'начальник', представляя его как омоним *бугор* в значении 'граница'. На наш взгляд, данные значения представляют разные способы концептуализации прототипической ситуации. Объект, номинируемый словом *бугор* в значении 'начальник', – человек, который по своему социальному положению, возможностям и авторитету выделяется на фоне обычных людей. Сфера влияния ограничивается определенным участком социального пространства, что позволяет говорить о «небольшом» начальнике: *Народ и валил к бугру – выпросить, выбить* (Огонек. 1992); *«Давайте НАМ, как и раньше, будут билеты, книги, автомобили, клубника в январе, спецполиклиники и санатории, а ВАМ зато останется ДУХОВНОСТЬ, – <...> об этом же толкуют отдельные нынешние бугры и шишки, озабоченные выработкой общей идеологии* (Е. Попов. Подлинная история «Зеленых музыкантов»); *Бугор... за коллектив, пусть и махонький, ответственный...* (В. Астафьев. Царь-рыба).

Нейтрализуются релевантные признаки 'форма', 'соотношение геометрических параметров'. В данном случае следует говорить о переносе исходной схемы в другое семантическое пространство, в абстрактную область. Признак 'возвышенность на плоскости' осмысливается как доминирование в

сфере социальных отношений; идея относительности параметров прототипического бугра реализуется как ограничение во власти.

Анализ контекстов позволил обнаружить употребления, которые не соотносятся с зафиксированными в словаре значениями. В данных употреблениях слово *бугор* характеризует большое количество чего-либо: *Денег зарабатываем бугры, а какая цена нашим деньгам: что нажил, то и прожил...* (Д. Мамин-Сибиряк. В ученье); *Старик-прочий все время видел на столе бугор бумаги: значит, много людей ее пишут – ведь рисуют буквы постепенно и на каждую идет ум, – один человек столько листов не испортит* (А. Платонов. Чевенгур); *...Должны мы были перелазить через великие бугры дерев, наваленных одно на другое...* (В. Нарезный. Гаркуша, малороссийский разбойник).

Устраняются релевантные признаки ‘форма’, ‘определенное соотношение геометрических параметров’. Признак ‘возвышенность на плоскости’ реализуется как отклонение от нормы, представленной небольшим количеством денег, бумаги, деревьев. Размер прототипического бугра, превышающий размер человека, преобразуется в большое количество. Данные употребления являются понятными в номинации, поскольку обозначение большого количества – когнитивный ход, характерный для представителей группы «конус» (*гора кирпичей, гора проблем, холм дров*), что позволяет интерпретировать его как некую семантическую модель.

Анализ механизма производства значений слова *бугор* показал, что значения полисеманта не обязательно должны иметь общие компоненты. Все значения слова связаны, поскольку имеют общий источник – прототипический денотат, который представляет когнитивную модель фрагмента внеязыковой реальности, определенный смысл. На примере слова *бугор* мы увидели, что этот смысл не исчерпывается идеей «небольшая возвышенность округлой или овальной формы». Разнообразие значений возникает за счет актуализации нерелевантных признаков прототипического денотата. Концептуализация нового опыта базируется на знании носителя языка всей ситуации или представлении образа денотата в его целостности. Наряду с коннотативным компонентом прототипический денотат является мощным источником семантической деривации и «гарантом» единства многозначного слова.

ЛИТЕРАТУРА

Апресян Ю.Д. Избранные труды. Т. 2. Интегральное описание языка и системная лексикография. М., 1995.

БАС: Словарь современного русского литературного языка: В 17 т. М. – Л., 1940 – 1965.

Кустова Г.И. Типы производных значений и механизмы языкового расширения. М., 2004.

Кобозева И.М. Лингвистическая семантика. М., 2007.

Лебедева Л.Б. Семантика ограничивающих слов // Логический анализ языка: Языки пространств. М., 2000. С. 93 – 98.

МАС: Словарь русского языка: В 4 т. М., 1981 – 1984.

Рахилина Е.В. Когнитивный анализ предметных имен: семантика и сочетаемость. М., 2000.

Тихонов А.Н. Словообразовательный словарь русского языка: В 2 т. Т.1. М., 2003.

Толковый словарь русского языка конца XX века. Языковые изменения. СПб., 1998.

Фасмер М. Этимологический словарь русского языка: В 4 т. Т. 1. СПб., 1996.

Л.И. Горбунова

ПЕРЦЕПТУАЛЬНАЯ И КОНЦЕПТУАЛЬНАЯ СОСТАВЛЯЮЩАЯ ЛОКАТИВНОГО ЗНАЧЕНИЯ АДЪЕКТИВНОЙ ПРИСТАВКИ

В науке о языке значения всех типов пространства (социального, ментального, эмоционального) традиционно интерпретируются как производные от значений вещного пространства. Такая установка обосновывается теорией, базирующейся на философском представлении о пространстве как форме существования материи и примате пространственных представлений человека. Так как главным каналом поступления информации является зрительный, то именно пространственные категории в силу их наблюдаемости признаются более легкими для познания и поэтому более ранними для языка. Кроме того, у человека нет других способов познания, как сравнение нового с уже познанным. Вследствие этого пространственные значения становятся базой для такого сравнения и средством выражения вновь познанных смыслов [Кустова 2004; Крейдлин 1994]. «Язык стремится использовать одну и ту же единицу для обозначения разных ситуаций за счет особых правил взаимодействия ее семантики с контекстом» [Плунгян, Рахилина 2000]. Значение многозначного слова представляет собой структуру, группирующуюся вокруг прототипа – базового зрительного значения [Langacker 1991, Janda 1993]. Исследование языка с этих позиций называется локалистской грамматикой.

Обозначение непространственных ситуаций с помощью локативных единиц языка интерпретируется как результат переосмысления былых пространственных представлений [Шерер 1979: 106], как освоение «нефизических ситуаций с помощью предикатов физических ситуаций» [Кустова 2004: 418], «метафора семантических пространств» [Крейдлин 1994: 19].

Базовость локативных значений объясняется и тем, что «локатив является импликацией существования: если объект существует, он где-то находится (не только в физическом, но и в разных типах нефизических пространств)» [Кустова 2000: 230].

Квалификация локативных значений как базовых развивается когнитивным направлением лингвистики. «Исследователи традиционно исходят в описании семантической структуры пространственно-дистанционных предлогов и наречий из геометрических характеристик сцены, которую задает предлог (наречие) в рамках локативного значения. Получив там искомый ал-